

К. Т. Акматов¹, К. Ш. Табалдиев²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

²Кыргызско-Турецкий университет Манас
пр. Тынчтык, 53, Бишкек, 720040, Кыргызская Республика

kunbolot@mail.ru

ПОГРЕБЕНИЯ ПОД ОВАЛЬНОЙ КАМЕННОЙ НАСЫПЬЮ НА ТЯНЬ-ШАНЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛЬСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ *

Статья посвящена погребальным комплексам Тянь-Шаня эпохи монгольского господства в сравнении с материалами Монголии и Забайкалья. Коротко рассмотрена история изучения захоронений кочевого населения Тянь-Шаня, приведено их детальное описание и характеристика. На основе сопоставительного анализа материалов из названных регионов впервые установлена этнокультурная принадлежность погребений под овальной каменной насыпью на Тянь-Шане. Выделен комплекс этно- и культурно-маркирующих признаков погребальных памятников средневековых монголов, к которому относятся: расположение могильников на возвышенностях, горах; овальная плоская каменная насыпь с вертикально поставленным камнем на ее северной окраине или без него, в сочетании с грунтовыми ямами и ямами с подбоями; северная ориентировка погребенных; головной убор «бокка» и его детали; кости барана (берцовая кость в сочетании с лопаткой и позвонками) и, возможно, седла с трапециевидной передней лукой. Обозначена семантика расположения могильников на возвышенностях и горах, ритуала вложения костей барана и головного убора «бокка».

Ключевые слова: Тянь-Шань, Монголия, Забайкалье, монгольское время, погребение, овальная каменная насыпь, северная ориентировка, «бокка», кости барана.

Проблема выделения погребений монголов XIII–XIV вв. на территории бывшей империи Чингисхана и Чингизидов является одной из актуальных тем в археологической науке. На материалах Забайкалья этот вопрос давно и плодотворно разрабатывается российскими и иностранными исследователями, хотя до сих пор отсутствуют обобщающие работы. В последние годы значительное пополнение фонда археологических источников по данной теме было получено

на территории Монголии, однако за ее пределами в западном направлении погребения средневековых монголов практически не выделены, хотя определенные попытки имелись [Федоров-Давыдов, 1966. С. 36, 112, 156–160]. В этой связи большой интерес представляют погребения под овальной каменной насыпью на Тянь-Шане, которые ранее не привлекали должного внимания исследователей, занимавшихся проблемой выделения средневековых монгольских захороне-

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш. Погребения под овальной каменной насыпью на Тянь-Шане и некоторые вопросы изучения средневековых монгольских погребальных комплексов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 5: Археология и этнография. С. 68–81.

ний. В данной статье мы поставили целью подробно описать погребальный обряд и определить этнокультурную принадлежность этих памятников, в том числе на основе привлечения результатов изучения таких объектов в Монголии и Забайкалье. В результате проведенного исследования удалось выявить ряд этно- и культурно-маркирующих признаков монгольских погребений эпохи империи Чингисхана и его преемников.

Первые научные исследования погребений под овальными каменными насыпями осуществлены А. Н. Бернштамом [1943. С. 27], А. К. Кибировым [1959. С. 114], Д. Ф. Винником [1963. С. 83–86, 92] и А. К. Абетековым [1967. С. 48–52]. Полученный ими немногочисленный материал был обобщен В. Д. Горячевой и В. П. Мокрыниным [1984] в первом томе академического издания «История Киргизской ССР». С конца 1980-х гг. К. Ш. Табалдиевым, М. И. Москалевым, О. А. Солтобаевым были начаты целенаправленные поиски и исследования средневековых памятников Тянь-Шаня. В течение нескольких полевых сезонов в Кочкорской, Кара-Куджурской, Орто-Нарынской и Ат-Башинской долинах выявлены и раскопаны около 80 погребений монгольского времени со своеобразными внешними и внутримогильными конструкциями, положением погребенных и сопроводительным инвентарем [Табалдиев, 1994; Anke et al., 1997]. В 2012–2014 гг. археологический отряд Кыргызско-Турецкого университета Манас под руководством авторов настоящей публикации проводил исследования на средневековом могильнике Боз-Адыр на южном побережье озера Иссык-Куль. Здесь было вскрыто 15 захоронений под овальными каменными насыпями с типичными для монгольского времени погребальным обрядом и инвентарем [Акматов, 2017. С. 26–27]. Женское погребение того же времени было раскопано нами в 2012 г. на могильнике Ала-Мышык в Нарынской долине. Результаты исследований представлены в диссертационной работе [Акматов, 2017].

Таким образом, общее количество раскопанных к настоящему времени погребений с учетом некоторых неопубликованных материалов – около 100. Степень сохранности внешней и внутримогильной конструкций, анатомический порядок костяков и состав сопроводительного инвентаря варьируются,

а в некоторых погребениях инвентарь и вообще отсутствует. Поэтому нельзя однозначно говорить о том, что они относятся к монгольской эпохе. Тем не менее абсолютное большинство этих памятников образует некое единство и достаточно явно выделяется из числа погребений других эпох и культур на Тянь-Шане.

Могильники рассматриваемого времени, обычно состоящие из небольшого числа курганов, а иногда и из одиночных погребений, располагаются на возвышенных местах, горах. Иногда они встречаются в составе разновременных могильников. Внешняя конструкция погребений представляет собой плоскую каменную насыпь овальной формы, длинными сторонами по направлению С–Ю, часто с некоторыми отклонениями в ту или иную сторону. Целые насыпи практически не встречались, но, судя по отдельным частично сохранившимся курганам, вокруг овальной насыпи сооружалась каменная кольцевая кладка. Несколько раз на северной окраине насыпи найдено по одному вертикально установленному камню (рис. 1).

Внутримогильной конструкцией погребений чаще являются грунтовые ямы, реже подбой. Нередко в грунтовых ямах удавалось зафиксировать боковые уступы с деревянным перекрытием. Подбой сооружался в западной стенке ямы и закрывался деревянными жердями или каменными плитами. Положение погребенных – вытянуто на спине, головой на север, часто с отклонениями на запад, реже на восток. В четырех погребениях с костями барана (берцовая кость и позвонки), в одном из которых найден женский головной убор «бокка» (*бог-тог*), костяк был ориентирован головой на запад. Следует отметить, что в трех из них были погребены женщины, а в одном – ребенок.

Сопроводительный инвентарь соответствовал полу погребенного. В мужских могилах встречены предметы вооружения, конского снаряжения, ножи, кресала и др. В женских погребениях – предметы туалета и конской сбруи, украшения, ножницы, берестяное навершие головного убора «бокка» и др. Как в мужских, так и в женских захоронениях обнаружены кости барана: берцовая кость, лопатка, позвонки (см. рис. 1). В двух случаях берцовая кость барана была зафиксирована в вертикальном положении.

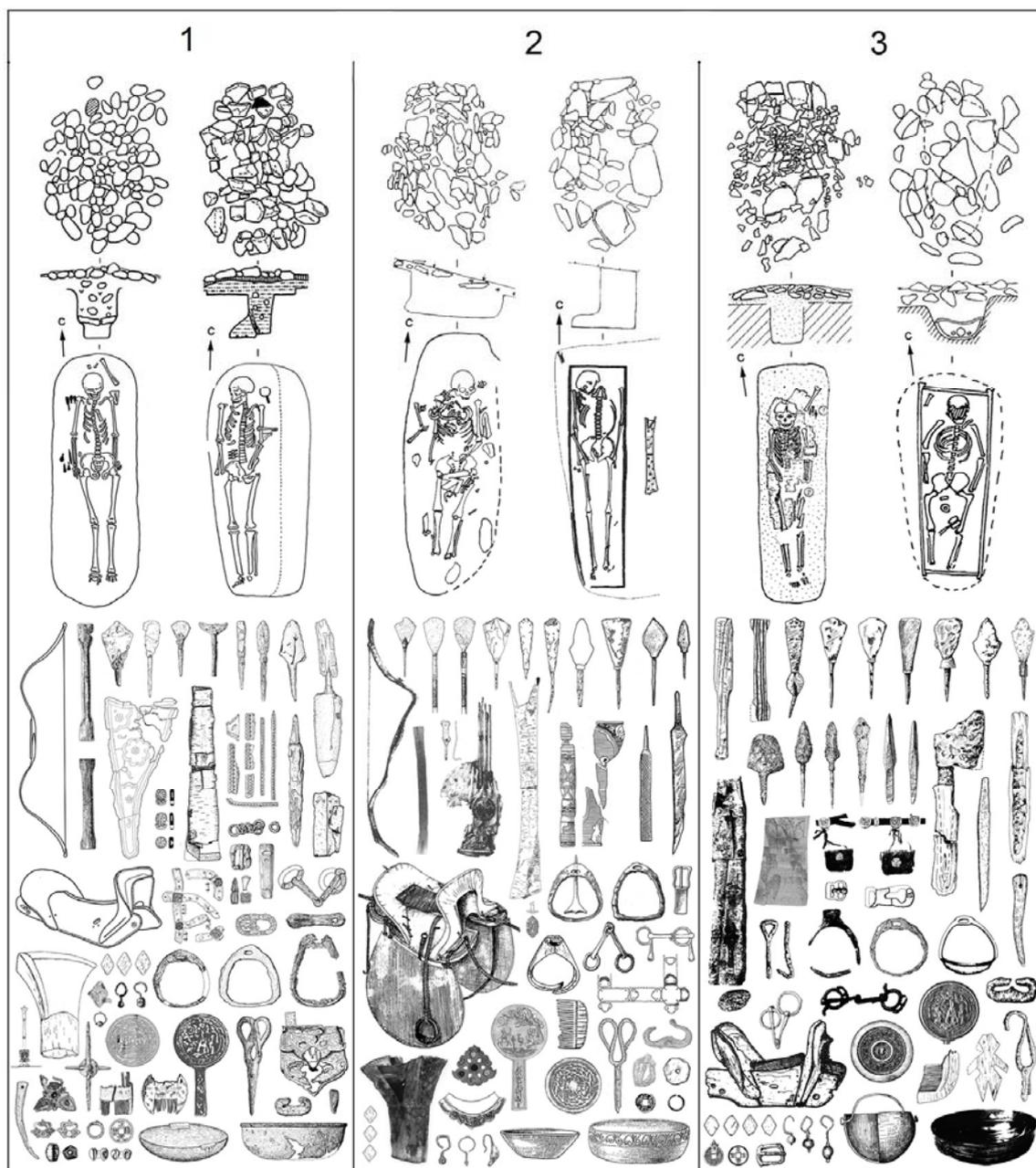

Рис. 1. Сравнительная таблица-схема погребальных комплексов (без масштаба; составлена К. Т. Акматовым):
1 – Тянь-Шань (XIII–XIV вв.); 2 – Монголия; 3 – Забайкалье (XII (?)–XIV вв.)

Итак, наиболее характерными признаками рассматриваемых погребений, отличающих их от захоронений иных эпох и культур региона, являются расположение могильников и одиночных могил на возвышенностях и горах, плоская овальная каменная насыпь, вертикально поставленный камень на северной окраине насыпи (встречается не постоянно), северная (часто с сезонными отклонениями) ориентировка погребенных,

наличие костей барана (голеи, лопатки и позвонков), помещение предметов конского снаряжения у ног погребенных (редко в изголовье), наличие берестяного навершия женского головного убора «бокка».

Краниологический материал из погребений (17 мужских и 8 женских черепов) исследован Р. Газимзяновым и С. С. Тур [2012]. Антропологи пришли к выводу, что рассмотренная ими серия черепов «характери-

зуется монголоидным комплексом признаков» и «морфологически однородна», хотя по «отдельным признакам» выявляется «небольшая европеоидная примесь». Однако, по их мнению, с учетом краниологических данных из памятников Древности и раннего Средневековья региона можно говорить о том, что население, оставившее погребения под овальными каменными насыпями, «было резкомонголоидного облика», «усиление монголоидных черт в морфологическом типе средневекового населения Тянь-Шаня, вероятно, связано с общей тюркизацией края и притоком населения монголоидного облика» [Газимзянов, Тур, 2012. С. 230].

Судя по единообразному погребальному обряду и антропологическим данным, принадлежность погребений под овальной каменной насыпью к единой этнокультурной общности абсолютно очевидна. Кем же они были оставлены? Для ответа на данный вопрос обратимся к средневековым материалам Монголии и Забайкалья.

По данным монгольского археолога У. Эрдэнэбата, на территории Монголии к 2003 г. было исследовано 229 погребений XI–XVII вв., которые он обозначает как раннемонгольские [Erdenebat, 2009. S. 30]. Исследователь выделил три вида погребальных сооружений, оставленных средневековыми монгольскими племенами: могилы под каменными или земляными насыпями; пещерные и скальные захоронения; купольные могилы [Ibid. S. 104]. Особый интерес для нас представляют захоронения под каменной насыпью, которые составляют абсолютное большинство (204 погребения) [Ibid. S. 105].

Они обнаружены и исследованы во всех частях Монголии, но наибольшая их концентрация приходится на центральные и северные районы страны [Лхагвасурэн, 1994. С. 77]. Как правило, памятники располагаются на южных склонах гор и возвышенностях. Чаще всего они образуют небольшую группу из 2–3 [Там же. С. 81] или 5–8 объектов [Erdenebat, 2009. S. 105], иногда встречаются одиночно. Крупные могильники довольно редки и включают максимум 20 погребений [Ibid].

Могилы, как правило, имеют небольшую, плоскую каменную насыпь овальной формы, длинными сторонами ориентированную по линии С–Ю. На северной окраине некоторых курганов зафиксировано

по одному вертикально установленному камню. Внутримогильные конструкции представлены грунтовыми ямами, реже подбоями. Часто умершие покоились в деревянных гробах, колодах и рамах. Положение погребенных достаточно однообразно: вытянуто на спине головой на север, часто с некоторыми сезонными отклонениями. Иногда под черепом были каменные или матерчатые «подушки».

Погребальный инвентарь соответствует полу погребенных. Предметы вооружения (наконечники стрел, остатки лука, колчан), конского снаряжения (удила, седла, стремяна), кресала, ножи, остатки наборных поясов и др. типичны для мужских погребений. Для женских могил характерны бронзовые зеркала, деревянные и костяные гребни, железные ножницы, глиняные пряслица, серьги, бусы, берестяные навершия головного убора «бокка» (*богтог*) и др. [Лхагвасурэн, 1994. С. 81–113; Erdenebat, 2009. S. 30–123, 128–198]. По данным У. Эрдэнэбата, к 2003 г. на территории Монголии было известно 24 экземпляра женских головных уборов «бокка» [Erdenebat, 2009. Tab. 3].

Кости барана – пример одного из устойчивых элементов погребений. Так, из 97 документированных погребений в 70 случаях¹ найдена кость голени, которая нередко располагалась у черепа человеческого костяка в вертикальном положении. Следующими по частоте встречаемости являются позвонки (в 31 погребении), лопатка (в 18 погребениях), череп (в 10 погребениях). По три раза отмечены крестцы, кости тазобедренного сустава и ребра. В единичных случаях обнаружены плечевая кость, рог, нижняя челюсть и зубы [Ibid. Tab. 27].

Краниологический материал погребений, проанализированный антропологом Д. Тумэн, показал, что «коренное население рассматриваемого исторического периода (XII–XIV вв.) антропологически было довольно гомогенным и относилось к центральноазиатскому типу» монголоидной расы [2014. С. 277].

Близкие к ним погребения давно исследуются на территории Забайкалья. Речь идет о материалах раннемонгольской археологи-

¹ Сюда же, на наш взгляд, можно включить 7 случаев находок костей лодыжек. Однако обстоятельства их находки неизвестны, т. е. не ясно, были они найдены вместе с костями голени или отдельно.

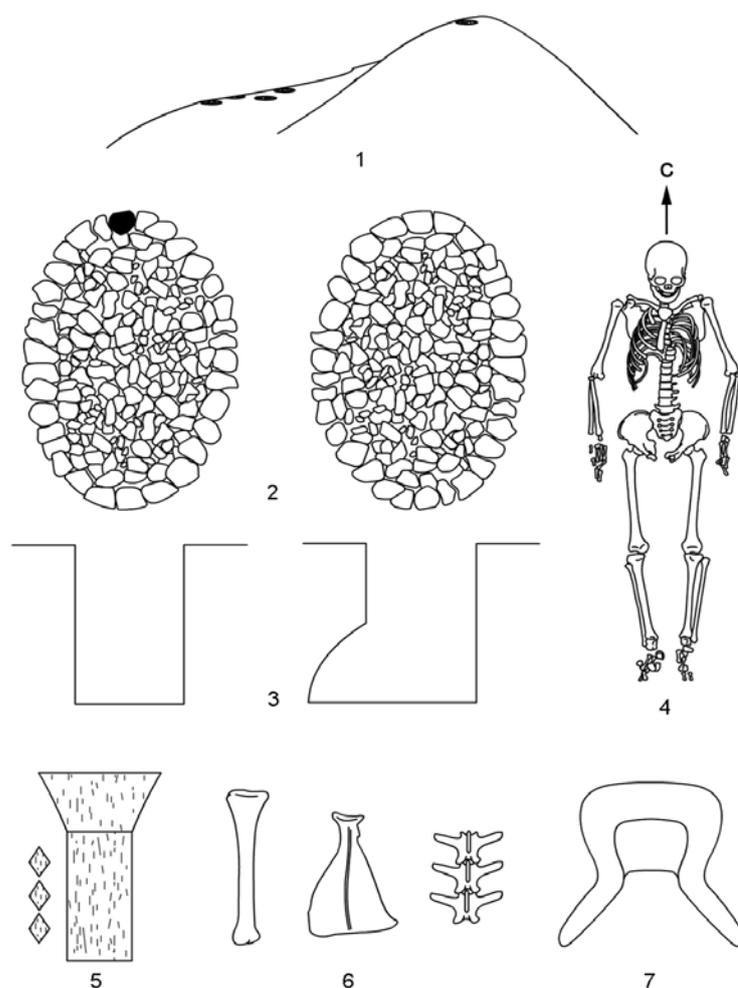

Рис. 2. Комплекс этно- и культурно-маркирующих признаков монгольских погребений Тянь-Шаня (XIII–XIV вв.), Монголии и Забайкалья (XII (?)–XIV вв.) (без масштаба; составлено К. Т. Акматовым): 1 – расположение могильников и одиночных могил на возвышенностях, горах; 2 – овальная плоская каменная насыпь с вертикально поставленным камнем на ее северной окраине или (3) без него, в сочетании с грунтовой ямой и ямой с подбоем; 4 – ориентировка погребенных головой на север; 5 – берестяное навершие головного убора «бокка» и его детали; 6 – кости барана (берцовая кость, лопатка, позвонки); 7 – деревянная основа седла с трапециевидной передней лукой

ческой культуры XI–XIV вв. В рамках данной культуры исследователи объединяют разные по надмогильным и внутримогильным конструкциям, положению и ориентировке умерших погребальные сооружения, которые часто располагаются на возвышенностях и горах. Общим для всех типов погребений является наличие вертикально установленной кости голени барана, которая обычно встречается у черепа человеческого костяка [Именохоев, Коновалов, 1985. С. 71; Именохоев, 1992. С. 35; Данилов, 1985; Дашибалов и др., 2011. С. 219–251]. В некоторых могильниках наряду с костью голени

найлены и остатки других частей туши барана.

Материалы раннемонгольской культуры демонстрируют неоднородность не только погребального обряда (за исключением наличия кости голени барана), но и, судя по данным краниологии, пестроту населения – носителей выделенной культуры [Бураев, 2000. С. 32–64]. По данному признаку материалы Забайкалья заметно отличаются от вышеописанных погребальных комплексов Монголии и Тянь-Шаня. Однако среди погребений Забайкалья довольно часто встречаются плоские каменные насыпи овальной

формы, иногда с вертикально поставленным камнем на северной ее окраине. Внутримогильные конструкции представлены грунтовыми ямами и подбоями, сооруженными в западной и юго-восточной стенках ямы, закрытыми деревянными дощечками и каменными плитами. Ориентировка погребенных в основном северная и северная с отклонениями в восточную или западную сторону [Асеев и др., 1984. С. 31–66; Коновалов, Данилов, 1981; Ковычев, 1988; 2004; Крадин и др., 2016]. Иногда такие погребения образуют отдельные могильники.

Таким образом, весь рассмотренный материал, касающийся погребальных памятников Тянь-Шаня, Монголии и Забайкалья, явно демонстрирует общность похоронного обряда (расположение могильников на возвышенностях и горах, плоская овальная каменная насыпь, вертикально установленный камень на северной окраине кургана, грунтовая яма и подбой, северная ориентировка погребенных, наличие костей голени, позвонков, лопатки барана) и инвентаря (рис. 1, 2). Комплекс этих признаков, являющийся очевидным доказательством этнокультурной близости памятников отмеченных регионов, позволяет уверенно делать вывод о том, что тяньшанские погребения под овальной каменной насыпью были оставлены монгольскими племенами, появившимся в регионе во времена расширения империи Чингисхана. Данное предположение, на наш взгляд, подтверждается и результатами антропологических исследований.

Вопрос о том, почему в монгольских памятниках на Тянь-Шане кость голени барана располагается не вертикально, что является «стержневым» признаком раннемонгольской культуры, а горизонтально,

остается открытым. Но отметим, что по крайней мере два раза удалось зафиксировать в могилах такую кость в вертикальном положении. Не исключено, что другие факты просто ускользнули от наших глаз. Как бы то ни было, вслед за большинством исследователей, изучающих памятники монгольского времени, вертикальное положение кости голени барана в могиле, при наличии и других отмеченных признаков, мы считаем одним из важных, но не единственным, этнически и культурно маркирующих элементов погребений монголов XIII–XIV вв. Следует отметить, что наряду с костью голени довольно стабильно встречаются лопатка и позвонки барана. Чтобы не быть голословными, приведем статистику. В нетронутых (всего 41) погребениях Тянь-Шаня с костями барана в 12-ти встречены только кость голени, в 12-ти – кость голени и лопатка, в 11-ти – кость голени, лопатка и позвонки, в 6-ти – кость голени и позвонки. Других бараньих костей, как и костей иных животных, в могилах обнаружено не было. Таким образом, выявлена достаточно устойчивая традиция расположения трех костей барана – голени, лопатки и позвонков.

Хотя в описанных погребениях Монголии и Забайкалья фаунистические находки более варибельны и богаты, тем не менее по частоте встречаемости лидируют именно отмеченные три кости барана. Для наглядности представим соответствующие результаты в таблице.

Семантика обряда помещения костей барана в погребения остается не до конца ясной. Очевидно, их нельзя рассматривать только как пищу для покойника – на это, возможно, указывает тот факт, что абсолютное большинство костей находят не в сосуде,

Сравнительная таблица частоты встречаемости костей барана в погребениях Тянь-Шаня, Монголии и Забайкалья

Кость барана	Тянь-Шань (41 погребение)		Монголия (97 погребений) *		Забайкалье (30 погребений) **	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Голень	41	100	70	72,2	31	103,3
Позвонки	17	41,5	31	32	10	33,3
Лопатка	23	56	18	18,6	4	13,3
Череп	–	–	10	10	–	–

* Составлено по: [Erdenebat, 2009. Tab. 27].

** Составлено по: [Харинский, 2015. Табл. 1].

а отдельно, хотя лопатка барана часто встречается вместе с ножом. Как бы то ни было, судя по этнографическим и письменным источникам, отмеченные кости барана широко применялись в разных ритуальных действиях. В этой связи интерес представляют этнографические наблюдения Г. Р. Галдановой. Она усматривает ряд параллелей между свадебными и погребальными обрядами как актами перехода из одного состояния в другое и приводит монгольские изречения типа «отданная замуж девушка и умерший человек ничем не отличаются», «свадьба и смерть абсолютно одинаковы», «отдавая свою дочь замуж, провожают ее так, как будто она умерла» [Галданова, 1992. С. 76]. Поэтому представляется вполне возможным объяснить семантику ритуала вложения костей барана в погребения через анализ свадебных и иных обрядов, где также применялись кости.

Одними из важных этномаркирующих предметов, стабильно встречающихся в погребениях Тянь-Шаня, являются берестяные навершия головного убора «бокка» (обнаружены в 16 погребениях) и, возможно, седла с трапециевидной передней лукой². Само название головного убора (*богтог*) и находки в погребениях Монголии [Erdenebat, 2009. Tab. 3] ясно свидетельствуют о ее монгольской принадлежности. Поэтому трудно согласиться с теми исследователями, которые считают «бокку» кыпчакским головным убором [Котеньков, 2011. С. 204]. Интересно, что слово «сватать» в монгольском языке звучит как *богтолоху* и происходит от названия плечевой кости [Викторова, 1980. С. 27]. Это, во-первых, еще раз подтверждает данные письменных источников о принадлежности головного убора «бокка» замужним женщинам и, во-вторых, представляет особый интерес для изучения погребального обряда средневековых монголов. В этой связи небезынтересен тот факт, что на Тянь-Шане наиболее часто и стабильно кости барана встречаются в женских погребениях.

Судя по данным письменных и изобразительных источников, «бокка» у монголов не столько обыденный головной убор замуж-

ней женщины, сколько маркер определенного социального статуса женщины. Не случайно на иранских миниатюрах и юаньских картинах в «бокках» изображены жены правителей и представителей знати. В этой связи представляет интерес замечание Т. И. Султанова о том, что «акт перехода *кумма* (наложница) в ранг *хатун* в средневековых мусульманских источниках описывается обычно так: такой-то наложнице возложили на голову *бугтак*, и она стала *хатун*» [2006. С. 14].

Как отмечено выше, еще одним характерным признаком погребений под овальной каменной насыпью является расположение их на возвышенностях, горных грядках, склонах и вершинах гор (особенно могильников Тянь-Шаня, но и для памятников Монголии и Забайкалья, как нам представляется, судя по описаниям, это является скорее правилом, чем исключением). О том, что погребение умерших людей на таких местах было у средневековых монголов традиционным, свидетельствуют письменные источники, прежде всего «Тайная история монголов». Так, источник приписывает кереитскому правителю Ван-хану следующее высказывание: «Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне *восходить на вершины* (здесь и далее курсив наш. – А. К., Т. К.). Когда же я в преклонных годах *взойду на горы, на скалы*, кто же примет в управление весь мой улус?» [Козин, 1941. С. 126; Rachewiltz, 2004. P. 82, 593]. В другом месте «Тайной истории монголов» содержится аналогичная фраза Джамухи – побратима Чингисхана: «Когда я буду лежать мертвым, мои кости (мертвое тело. – А. К., Т. К.), похороненные *на высоком месте*, навеки будут покровительствовать тебе и будут благословением для... потомков твоих»³ [Rachewiltz, 2004. P. 132]. И наконец, источник сообщает, что, когда умер один из приближенных Чингисхана, он «предал его (Хуилдара. – А. К., Т. К.) прах погребению при реке Халхе на Орнунском полуострове, *в скалах*» [Козин, 1941. С. 133; Rachewiltz, 2004. P. 95, 632].

Судя по данным письменных источников, обряд погребения на возвышенностях, скалах и горах практиковался не только в коренном юрте Монгольской империи, но и в иных улусах. Так, Рашид ад-Дин в «Сбор-

² Такие седла (по крайней мере для периода основания и расширения Монгольской империи) были характерны для монголов и (или) распространены ими по степям Евразии. Подробнее об этом см.: [Акматов, 2017. С. 115–177].

³ Здесь мы приводим собственный, более точный перевод фрагмента текста И. де Рахевильца.

нике летописей» сообщал о том, что, когда умер Чагатаид Барак, «Кайду приказал, чтобы его похоронили *на высокой горе*» [Рашид ад-Дин, 1946. С. 85]. Останки Кайду «и некоторых царевичей, которые скончались до него, находятся в очень *высоких горах* под названием Шонхорлык» [Рашид ад-Дин, 1960. С. 16]. И наконец, по данным персидского историка «*на горе Шаху*, что напротив Диххарегана, устроили ему (Хулагу-хану. – А. К., Т. К.) большой заповедник и, свершив обряды оплакивания в его ставках, гроб с ним захоронили в том заповеднике» [Рашид ад-Дин, 1946. С. 63].

Следует отметить, что во всех приведенных сообщениях речь идет о месте погребения или представителей «золотого рода», или правителей племен и знати. Каких-либо свидетельств о погребальном обряде простого населения, насколько нам известно, в источниках нет. Но если наша этнокультурная атрибуция погребений под овальной каменной насыпью верна, то археологические материалы ясно показывают, что и рядовые члены монгольского общества хоронили своих умерших на возвышенностях и горах, как, возможно, местах, наиболее приближенных к небу – физическому и духовному, т. е. к высшему божеству монголов Тэнгри (Tenggeri, Tenggiri)⁴ в рассматриваемое время.

На территории Монголии и Забайкалья наряду с каменными курганами в небольшом количестве встречаются и могилы под земляной насыпью, и погребения, совершенные на скалах и в пещерах, которые по обряду и инвентарю идентичны погребениям под каменной насыпью [Лхагвасурэн, 1994. С. 76; Эрдэнэбат, 2014. Тал 344–365]. Однако они резко выделяются по составу и богатству сопроводительного инвентаря, что, видимо, указывает на их принадлежность привилегированным слоям общества. Поэтому не исключено, что на других территориях, в том числе и на Тянь-Шане, «куда ступали копыта татарских коней», будут найдены такие памятники. Как бы то ни было, весь рассмотренный материал свидетельствует о том, что основное рядовое монгольское население XIII–XIV вв. хоронило

своих умерших в могилах под овальной каменной насыпью.

Однако на территориях западных улусов бывшей Монгольской империи, такие погребения еще не выявлены или выявляются слабо. Так, в своем фундаментальном исследовании Г. А. Федоров-Давыдов выделил ряд новых элементов в погребальном обряде и материальной культуре населения Восточной Европы XIII–XIV вв., появление которых в регионе связывается с монголами («бокка», нашивка-амулет в виде фигуры человека) и «восточными» племенами (погребальная насыпь в виде каменной кладки, подбой, северная ориентировка погребенных). Однако отсутствие последовательной взаимосвязи между этими элементами, а также их рассеянность в пространстве не позволили автору выделить каких-либо «погребальных памятников, которые можно было бы связать с монголами по комплексу характерных черт» [Федоров-Давыдов, 1966. С. 156–160]. Тем не менее отмеченные и иные новые элементы (кости барана в погребениях), зафиксированные Г. А. Федоровым-Давыдовым в золотоордынских памятниках Восточной Европы, вполне могли быть связаны с появлением монгольских племен. Судя по всему, с продвижением на запад и увеличением числа иноязычных отрядов в составе войск Чингисхана и Чингизидов монгольский погребальный обряд утрачивал свою чистоту и отчетливость.

Исходя из важности такого признака средневековых монгольских погребений, как наличие определенных костей барана, Т. М. Потемкина провела статистическую обработку восточноевропейских погребений золотоордынского времени, которая показала интересные результаты. Так, в 167 памятниках с костями барана нога встречена в 60 (35,9 %) погребениях; нога + лопатка – в 33 (19,8 %); нога + другие части, кроме лопатки – в 25 (15 %); другие части, кроме ноги и лопатки (чаще всего позвонки) – в 23 (13,8 %); сочетание ноги, лопатки и других частей – в 12 (7,2 %); лопатка – в 8 (4,8 %); лопатка и другие части, кроме ноги – в 6 (3,6 %) [Потемкина, 2011. С. 114]. Таким образом, наиболее часто встречающимися частями туши барана являются кость ноги, лопатка и позвонки. При этом большинство погребений (73–42,9 %) с костями барана имели северную ориентировку покойников [Там же].

⁴ Подробнее об этом см.: [Rachewiltz, 2007. P. 112–131].

Однако мы не склонны делать вывод о том, что все восточноевропейские погребения с костями барана были оставлены монгольскими племенами. Тем не менее тот факт, что отмеченные элементы в обряде и инвентаре золотоордынских погребений находят параллели в вышеописанных погребениях Монголии, Забайкалья и Тянь-Шаня, не может не вызывать интерес.

Следует отметить, что некоторые погребения, обнаруженные на территории Узбекистана и Казахстана и приписываемые кыпчакам, очень близки к памятникам Тянь-Шаня, которые мы определяем как монгольские. Прежде всего это относится к впускной могиле на Дальверзинском поселении. В ней зачищен костяк мужчины (?), уложенный вытянуто на спине головой на север с небольшим отклонением к западу. Рядом с умершим были обнаружены кость задней ноги, лопатка и ребра барана. Сопроводительный инвентарь, состоящий из фрагмента костяной весловидной накладки на лук, железных наконечника стрелы, калачевидного кресала и ножа, наиболее характерен для XIII–XIV вв. [Заднепровский, 1975]. Возможно, к данному кругу памятников относится и впускное погребение, раскопанное на Халчаяне. Здесь были обнаружены скелет мужчины (?) на спине головой на север, с характерным для рассматриваемого времени инвентарем (железные стремяна, наконечники стрел, остатки седла, бронзовые бляшки, серебряная чаша, монета), но без костей барана [Пугаченкова, 1967].

Таким образом, сопоставительный анализ с материалами Монголии и Забайкалья позволил выделить и на Тянь-Шане комплекс этно- и культурно-маркирующих признаков монгольских погребений XIII–XIV вв. С учетом изложенных материалов со значительной долей уверенности можно сказать, что погребения под овальной каменной насыпью были оставлены здесь монгольскими племенами, пришедшими в регион во время расширения и (или) существования империи Чингисхана и Чингизидов. Тянь-Шань является одной из территорий бывшей Монгольской империи, где в настоящее время наиболее компактно и в чистом виде выявляются погребения средневековых монголов. Дальнейшие археологические исследования, несомненно, позволят накопить еще более детально разработанный набор признаков,

необходимых для уверенного выделения здесь этих памятников.

Список литературы

Абетеков А. К. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины (по материалам раскопок 1961 г.) // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1967. С. 30–52.

Акматов К. Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.

Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.

Бернштам А. Н. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе: Изд-во Киргиз. филиала АН ССР, 1943. 70 с. + табл.

Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 129 с.

Викторова Л. Л. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.

Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 79–93.

Газимзянов И. Р., Тур С. С. Новые данные по палеоантропологии населения Тянь-Шаня эпохи средневековья // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. С. 227–230.

Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 71–89.

Горячева В. Д., Мокрынин В. П. Культура в позднее средневековье (XIII–XV вв.) // История Киргизской ССР. Фрунзе: Изд-во Кыргызстан, 1984. С. 585–604. (Т. 1: С древнейших времен до середины XIX в.).

Данилов С. В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 86–91.

Дашибалов Б. Б., Именохоев Н. В., Данилов С. В. Эпоха Средневековья // История Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 1: Древность и Средневековье. С. 203–252.

Заднепровский Ю. А. Кочевническое погребение XIII–XIV вв. в Фергане // СА. 1975. № 4. С. 276–280.

Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 23–48.

Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–86.

Кибиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 63–138.

Ковычев Е. В. Средневековые погребальные памятники из окрестностей станции Оловянная // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1988. С. 129–141.

Ковычев Е. В. Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 181–196.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.

Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1981. С. 64–73.

Котеньков И. С. К вопросу об этнической принадлежности головного убора – бокка // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 204–205.

Крадин Н. Н., Харинский А. В., Бакшеева С. Е., Ковычев Е. В., Прокопец С. Д. Археология империи Чингисхана в Монголии и Забайкалье // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. № 6. 2016. С. 17–43.

Лхагвасурэн Х. Средневековые погребения монголов (XII–XIV вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 224 с.

Потемкина Т. М. Об этнокультурных признаках «монгольских» погребальных памятников Восточной Европы // Диалог город-

ской и степной культур на евразийском пространстве. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 112–115.

Пугаченкова Г. А. Погребение монгольского времени в Халчяане // СА. 1967. № 2. С. 252–258.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 3. 340 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. 253 с.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: Изд-во АСТ, 2006. 445 с. (Историческая библиотека).

Табалдиев К. Ш. Эволюция погребального обряда кочевников Внутреннего Тянь-Шаня в средние века: Дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 1994. 349 с.

Тумэн Д. Археология и антропология монгольского периода Монголии (XII–XV вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2014. Ч. 1. С. 270–279.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

Харинский А. В. Кости барана в Забайкальских погребениях X–XV вв. // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. С. 407–415.

Эрдэнэбат У. Баянхонгор аймгийн Баян-Өндөр сумын Дунд нурууны хадны оршулгын дургалууд // Археологийн судлал. Уланбаатар, 2014. Том. XXXIV. Fasc. 28. Тал 344–365. (на монг. языке)

Anke B., Moskalev M. I., Soltobaev O. A., Tabaldiev K. Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj., Kočkorka, Kyrgyzstan // Eurasia Antiqua. 1997. Bd. 3. S. 513–570.

Erdenebat U. Altmongolisches Grabbrauchtum. Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich Wilhelms Universität zu Bonn. Bonn, 2009. 262 S. + Katalog 395 S.

Rachewiltz I. de. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2004. Vol. 1–2. 1348 p.

Rachewiltz I. de. Heaven, Earth and the Mongols in the Time of Činggis Qan and His

Immediate Successors (ca. 1160–1260) – A Preliminary Investigation // A Lifelong Dedication to the China Mission. Essays Presented in Honor of Father Jeroom Heyndrickx, CICM, on the Occasion of His 75th Birthday and the 25th Anniversary of the F. Verbiest Institute

K. U. Leuven. Leuven: Ferdinand Verbiest Institute, 2007. P. 107–144. (Leuven Chinese Studies XVII).

Материал поступил в редколлегию 22.03.2017

K. T. Akmatov¹, K. Sh. Tabaldiev²

¹ *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Kyrgyz-Turkish Manas University
56 Tynchtyk Ave., Bishkek, 720044, Kyrgyzstan*

kunbolot@mail.ru

BURIALS UNDER OVAL-SHAPED STONE MOUNDS IN TIEN SHAN AND SOME ISSUES OF STUDYING MEDIEVAL MONGOLIAN BURIAL COMPLEXES

Purpose. Identification and investigation of medieval burials left by the Mongols is one of the important issues in Eurasian archaeology. A large number of different types of burials attributed to medieval Mongolian tribes have been excavated in Mongolia and Transbaikalia. However, in the western regions of former Mongol empire no burials have been discovered which could be definitely identified as Mongolian. Thus, burials with oval-shaped stone mounds in Tien Shan are of special interest. In this paper, we describe, analyze and determine the ethno-cultural attribution of the monuments.

Results. The first scientific excavations of burials with oval-shaped stone mounds in Tien Shan were carried out by A. N. Bernshtam, A. K. Kibirov, D. F. Vinnik and A. K. Abetekov in the middle of the 20th century. In the 1990s, K. Sh. Tabaldiev, M. I. Moskalev, O. A. Soltobaev and Yu. S. Khudyakov discovered and excavated a substantial number of medieval burials in question. The materials were summed up in the K. Sh. Tabaldiev's dissertation devoted to the funerary rites of medieval nomads in Tien Shan. In 2012–2014, the authors of this article excavated several new tombs in Ysyk-Köl and Naryn regions. The burials are situated on hills and mountains. They rarely form large cemeteries consisting of more than 10 tombs. Mounds of the burials are made up of stones which form an oval shape. Several times the stone was erected vertically at the northern end of the mound. The deceased were laid supine with their heads to the north. The grave goods found correspond to the sex of the deceased: men were provided with weapons (bows, arrows, quivers, knives etc.), horse trappings (bridles, saddles, stirrups), flints etc.; women – with horse trappings, knives, mirrors, earrings, combs, beads and special headdresses known as a «bogtog». Both male and female burials contain certain bones of a sheep, viz. tibia, shoulder blade and vertebra. Interestingly enough, there are similar tombs among heterogeneous antiquities of the early Mongolian archaeological culture in Mongolia and Transbaikalia. A detailed comparative study of the burial complexes from all three regions demonstrates a close resemblance in their funerary rites and grave goods. Common characteristics include locating the cemeteries on hills and mountains; the oval-shaped stone mounds, sometimes with a rock vertically erected at the northern end of the mound; placing the deceased in a supine position with their head to the north; providing females with a headdress «bogtog»; adding sheep's bones (tibia, shoulder blade, vertebra) and saddles with trapeze-shaped pommels. All these features are current in the burial complexes of the 13–14th centuries in Tien Shan, Mongolia and Transbaikalia.

Conclusion. The study allows us to attribute burials under oval-shaped stone mounds in Tien Shan to the Mongols, who came to the region during the expansion of the Genghis Khan's empire. The ethno-cultural characteristics of the burial complexes from Tien Shan, Mongolia and

Transbaikalia that we describe in the article could be of help in identifying and investigating medieval Mongolian burials in other regions.

Keywords: Tien Shan, Mongolia, Transbaikalia, Mongol Epoch, burial, oval-shaped stone mound, northern orientation, «bogtog», sheep's bones.

References

Abetekov A. K. Arkheologicheskie pamyatniki kochevykh plemen v zapadnoi chasti Chuiskoi doliny (po materialam raskopok 1961 g.) [Archaeological monuments of nomadic tribes in the western part of Chui valley (a case study of 1961 y. excavations)]. *Drevnyaya i rannesrednevekovaya kul'tura Kirgizstana* [Ancient and Early Middle Age's culture of Kirgizstan]. Frunze, Ilim Publ., 1967, p. 30–52. (in Russ.)

Akmatov K. T. *Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoe vremya. Diss. kand. istor. nauk.* [Arms and horse trappings of nomads of Tien Shan in the Mongol epoch. Cand. histor. sci. diss.]. Novosibirsk, 2017, 236 p. (in Russ.)

Anke B., Moskalev M. I., Soltobaev O. A., Tabaldiev K. Š. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj., Kočkorka, Kyrgyzstan [Excavations in the Suttuu-Bulak cemetery, Kochkorka, Kyrgyzstan]. *Eurasia Antiqua* [Eurasian Antiques], 1997, vol. 3, p. 513–570. (in Germ.)

Aseev I. V., Kirillov I. I., Kovychev E. V. *Kochevniki Zabaikal'ya v epokhu srednevekov'ya (po materialam pogrebenii)* [Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages (a case study of burials)]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 201 p. (in Russ.)

Bernshtam A. N. *Istoriko-kul'turnoe proshloe severnoi Kirgizii po materialam Bol'shogo Chuiskogo kanala* [Historical-cultural past of the northern Kirgiziya based on Bol'shoi Chui channel's materials]. Frunze, USSR AS Kirgiz branch Publ., 1943, 70 p. + tabl. (in Russ.)

Buraev A. I. *Srednevekovoe naselenie Pribaikal'ya i Zabaikal'ya po dannym kraniologii* [Medieval population of Cisbaikalia and Transbaikalia according to craniology]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 129 p. (in Russ.)

Danilov S. V. Zhertvoprinosheniya zhitovnykh v pogrebal'nykh obryadakh mongol'skikh plemen Zabaikal'ya [Animal sacrifices in funeral rites of the Mongol tribes of Transbaikalia]. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi* [Ancient Transbaikalia and its cultural connections]. Novosibirsk, Nauka, 1985, p. 86–91. (in Russ.)

Dashibalov B. B., Imenokhiev N. V., Danilov S. V. Epokha Srednevekov'ya [Middle Ages]. *Istoriya Buryatii* [History of Buryatia]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2011, p. 203–252, (vol. 1. Antiquity and Middle Ages). (in Russ.)

Erdenebat U. Bayankhongor aimgiin Bayan-Ondor sumyn Dund nuruuny khadny orshulgyn durgaluud [Some findings of cave burial of Dundnuruu, Bayan-undur soum, Bayankhongor province]. *Arkheologiin sudlal* [Studia archaeologica]. Ulaanbaatar, 2014, vol. 34, fasc. 28, p. 344–365. (in Mong.)

Erdenebat U. *Altmongolisches Grabbrauchtum. Archäologisch-historische Untersuchungen zu den mongolischen Grabfunden des 11. Bis 17. Jahrhunderts in der Mongolei* [Early Mongol's burial rites: Archaeological-historical investigation of Mongolian grave goods of the 11th – 17th centuries in Mongolia]: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich – Wilhelms – Universität zu Bonn [Dissertation for the Degree of Doctor of the Philosophy Department of the Rheinischen Friedrich – Wilhelms University in Bonn]. Bonn, 2009, 262 p. + Katalog 395 p. (in Germ.)

Fedorov-Davydov G. A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of the East Europe under the rule of the Golden Horde khans: Archaeological monuments]. Moscow, MSU Publ., 1966, 274 p. (in Russ.)

Galdanova G. R. Semantika arkhaisnykh elementov svad'by u tyurko-mongolov [Semantics of archaic elements of the wedding of Turks-Mongols]. *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov* [Traditional rites of Mongolian people]. Novosibirsk, Nauka, 1992, p. 71–89. (in Russ.)

Gazimzyanov I. R., Tur S. S. *Novye dannye po paleoantropologii naseleniya Tyan'-Shanya epokhi srednevekov'ya* [Recent data on paleoanthropology of the Tien Shan population in the Middle Ages]. *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii* [History and culture of medieval people in the steppe Eurasia]. Barnaul, ASU Publ., 2012, p. 227–230. (in Russ.)

Goryacheva V. D., Mokrynin V. P. Kul'tura v pozdnee srednevekov'e (XIII–XV vv.) [Culture in the Late Middle Ages (XIII–XV cc.)]. *Istoriya Kirgizskoi SSR [History of Kirgiz SSR]*. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1984, p. 585–604, (vol. 1: From earliest times to the middle of XIX c.). (in Russ.)

Imenokhiov N. V. Rannemongol'skaya arkhеologicheskaya kul'tura [Archaeological culture of the early Mongols]. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii [Archaeological monuments of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia]*. Novosibirsk, Nauka, 1992, p. 23–48. (in Russ.)

Imenokhiov N. V., Konovalov P. B. K izucheniyu pogrebal'nykh pamyatnikov mongolov v Zabaikal'e [Revisiting the burial monuments of the Mongols in Transbaikalia]. *Drevnee Zabaikal'e i ego kul'turnye svyazi [Ancient Transbaikalia and its cultural connections]*. Novosibirsk, Nauka, 1985, p. 69–86. (in Russ.)

Kharinskii A. V. Kosti barana v Zabaikal'skikh pogrebeniyakh X–XV vv. [Sheep's bones in burials of Tansbaikal in the X–XV cc.]. *Aktual'nye voprosy arkhеologii i etnologii Tsentral'noi Azii [Current issues of archaeology and ethnology of Central Asia]*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2015, p. 407–415. (in Russ.)

Kibirov A. K. Arkheologicheskie raboty v Tsentral'nom Tyan'-Shane [Archaeological works in Central Tien Shan]. *Trudy Kirgizskoi arkhеologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Kirgiz archaeological-ethnographical expedition]*. Moscow, AS USSR Publ., 1959, vol. 2, p. 63–138. (in Russ.)

Konovalov P. B., Danilov S. V. Srednevekovye pogrebeniya v Kibalino (Zapadnoe Zabaikal'e) [Medieval burials in the Kibalino (Western Transbaikalia)]. *Novoe v arkhеologii Zabaikal'ya [The new in the archaeology of Transbaikalia]*. Novosibirsk, Nauka, 1981, p. 64–73. (in Russ.)

Koten'kov I. S. K voprosu ob etnicheskoi prinadlezhnosti golovnogo ubora – bokka [Revisiting the ethnocultural attribution of the headwear – bokka]. *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve [Dialogs of urban and steppe cultures in the Eurasian space]*. Kazan, IH TAS Publ., 2011, p. 204–205. (in Russ.)

Kovychev E. V. Srednevekovye pogrebal'nye pamyatniki iz okrestnostei stantsii Olovyannaya [Medieval burial monuments from the vicinities of the Olovyannaya station]. *Pamyatniki epokhi paleometalla v Zabaikal'e [Monuments of paleometal epoch in Transbaikalia]*. Ulan-Ude, BB SB AS USSR, 1988, p. 129–141. (in Russ.)

Kovychev E. V. Rannemongol'skie pogrebeniya iz mogil'nika Malaya Kulinda [Early Mongolian burials from Malaya Kulinda cemetery]. *Tsentral'naya Aziya i Pribaikal'e v drevnosti [Central Asia and Cisbaikalia in antiquity]*. Ulan-Ude, BSU Publ., 2004, iss. 2, p. 181–196. (in Russ.)

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. [The secret history. Mongolian chronicle of the 1240 y.]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1941, 620 p. (in Russ.)

Kradin N. N., Kharinskii A. V., Baksheeva S. E., Kovychev E. V., Prokopets S. D. Arkheologiya imperii Chingis-khana v Mongolii i Zabaikal'e [Archaeology of the Genghis Khan's empire in Mongolia and Transbaikalia]. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2016, no. 6, p. 17–43. (in Russ.)

Lkhagvasuren Kh. *Srednevekovye pogrebeniya mongolov (XII–XIV vv.). Diss. kand. istor. nauk. [Medieval burials of mongols (XII–XIV cc.). Cand. histor. sci. diss.]*. Moscow, 1994, 224 p. (in Russ.)

Potemkina T. M. Ob etnokul'turnykh priznakakh «mongol'skikh» pogrebal'nykh pamyatnikov Vostochnoi Evropy [On ethnocultural characteristics of the «Mongolian» burial monuments in East Europe]. *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve [Dialogs of urban and steppe cultures in the Eurasian space]*. Kazan, IH TAS Publ., 2011, p. 112–115. (in Russ.)

Pugachenkova G. A. Pogrebenie mongol'skogo vremeni v Khalchayane [A tomb of the Mongol epoch in Khalchayan]. *Sovetskaya arkhеologiya [Soviet Archaeology]*, 1967, no. 2, p. 252–258. (in Russ.)

Rachewiltz I. de. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden, Boston, Brill, 2004, vol. 1–2, 1348 p.

Rachewiltz I. de. Heaven, Earth and the Mongols in the Time of Činggis Qan and His Immediate Successors (ca. 1160–1260) – A Preliminary Investigation. *A Lifelong Dedication to the China Mission. Essays Presented in Honor of Father Jeroom Heyndrickx, CICM, on the Occasion of His 75th*

Birthday and the 25th Anniversary of the F. Verbiest Institute K. U. Leuven. Leuven: Ferdinand Verbiest Institute, 2007. P. 107–144. (Leuven Chinese Studies XVII).

Rashid al-Din, *Sbornik letopisei* [*Compendium of Chronicles*]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1946, vol. 3, 340 p. (in Russ.)

Rashid al-Din, *Sbornik letopisei* [*Compendium of Chronicles*]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960, vol. 2, 253 p. (in Russ.)

Sultanov T. I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [*Genghis Khan and Chingisids. Destiny and reign*]. Moscow, ACT Publ., 2006, 445 p., (Historical library). (in Russ.)

Tabaldiev K. Sh. *Evolyutsiya pogrebal'nogo obryada kochevnikov Vnutrennego Tyan'-Shanya v srednie veka. Diss. kand. istor. nauk.* [*Evolution of the funeral rites of the Inner Tien Shan nomads in the Middle Ages. Cand. histor. sci. diss.*]. Bishkek, 1994, 349 p. (in Russ.)

Tumen D. *Arkheologiya i antropologiya mongol'skogo perioda Mongolii (XII–XV vv.)* [*Archaeology and anthropology of the Mongol Epoch of Mongolia (XII–XV cc.)*]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri* [*Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia*]. Kyzyl, TSU Publ., 2014, part 1, p. 270–279. (in Russ.)

Viktorova L. L. *Mongoly: Proiskhozhdenie naroda i istoki kul'tury* [*Mongols: Origin of the people and beginnings of the culture*]. Moscow, Nauka, 1980, 224 p. (in Russ.)

Vinnik D. F. *Tyurkskie pamyatniki Talasskoi doliny* [*Turkic monuments of the Talas valley*]. *Arkheologicheskie pamyatniki Talasskoi doliny* [*Archaeological monuments of the Talas valley*]. Frunze, Kirgiz SSR AS Publ., 1963, p. 79–93. (in Russ.)

Zadneprovskii Yu. A. *Kochevnicheskoe pogrebenie XIII–XIV vv. v Fergane* [*The nomadic burial of the XIII–XIV cc. in Fergana*]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*], 1975, no. 4, p. 276–280. (in Russ.)